

Анна Никольская

Я уеду
жить
в «Свитер»

РОСМЭН

Посвящается моим маме, папе и А. Б.

Глава 1

КАК КЕНТАВР

Я сразу поняла, кто у нас в гостях: по запаху и по сабо на огромной деревянной платформе. Такие носит только он. Они стояли в прихожей рядом с моими домашними тапочками. Удивительно, что он их вообще снял, я раньше думала, что эти сабо — неотъемлемая часть его сущности. Как копыта у кентавра.

— Кажется, Юлькин пришла! — слышится из кухни радостный мамин голос. — Юлькин, иди сюда! Смотри, кто к нам прилетел!

Будто я не знаю кто.

Вообще-то так говорят про птиц, когда они садятся на подоконник: «Смотри, кто прилетел!» Или, например, про ангелов. Но у мамы вообще такая странная манера выражаться. Да и сдается мне, что он для мамы с папой и есть что-то наподобие ангела. Ну, как минимум, небожитель.

Я иду на кухню, и запах по пути становится устрашающим. Такими духами, густыми и вязкими, как мед, обычно пахнет от старых бабушек интел-

лигентного вида. Ну и еще от него. Кажется, меня уже тошнит — я всегда была очень чувствительной к запахам.

— Евгений Олегович, смотрите, как она вытянулась! — волнуясь, кричит папа.

Мне становится за него неловко. Папа вечно из всего делает драму, даже из моего роста.

— Здравствуйте, Евгеолегыч, — вежливо здороваюсь я, но он не удостоивает меня ответом.

Такие заурядные вещи, как я и мой рост, ему совершенно неинтересны.

— Ваши котлеты, Людочка, это симфония лябемоль Рахманинова! — не говорит, а поет Евгений Олегович, грациозно взмахивая длинной, как у павиана, рукой. Другой он не менее грациозно отправляет в рот большой кусок котлеты на вилочке. — Особенно в композиции с этим вот острым соусом! Белиссимо!

— Да?! — как ребенок, радуется мама. — Это потому, что я в фарш кабачки и сахар добавляю! Юль, ты что замерла? Бери стул, садись за стол!

Но на моем стуле уже сидит Евгений Олегович, поэтому я говорю:

— Спасибо, я не голодна. Можно, я пойду к себе?

— Не глупи, — говорит папа.

Он хватает меня в охапку, целует в макушку и усаживает к себе на колени, как будто мне десять лет. Евгений Олегович морщится и двигает вверх-вниз усами. Они у него, как щетка для чистки обуви, выцветшие и жесткие.

— Вы не представляете себе, друзья мои, какое у меня давление! — как в театре, говорит он, потрясая

благородной шевелюрой. — На протяжении вот уже полугода!

— Какое?! — ужасается мама.

— Сто пятьдесят на девяносто! И это после непрерывного дневного сна!

— Какой ужас, — сокрушается папа.

— А все интриги! Да-да, друзья мои, интриганы и завистники, все они. — Евгений Олегович печально качает головой. — Как внутри коллектива, так и далеко за его пределами. Дошло до того, что мне сорвали весенние гастроли! Первая скрипка, этот бездарь и симулянт, от которого отказались все приличные оркестры страны, сказался больным за день до выезда! Слыханное ли дело? — На лице Евгения Олеговича отражается такая горечь, что он громко запивает ее маминым компотом из слив.

Родители сочувственно кивают. Мама подливает ему компот, а папа подкладывает на тарелку новую порцию котлет. Еще чуть-чуть, и они разобьются для него в лепешку, а если понадобится, снимут с себя собственную шкуру. И не потому, что он маэстро, заслуженный деятель искусств России и дирижер от бога, совсем не поэтому. Просто они вот у меня такие, не от мира сего. Ради друзей готовы на все — уникамы из доисторических времен. Таких больше не производят.

— А Селиверстов, этот мелкий человечиска и плебей, так вообще заявил, что моя трактовка «Кармен» банальна! Каково, а? Не-е-ет, в таких условиях совершенно невозможно работать! Вы поймите, ведь меня же нужно беречь как зеницу ока! Ведь нас по пальцам перечесть можно: Тимерканов, Плетнев, Спиваков и я! А ведь есть еще и Америка!

— А что Америка? — интересуется папа.

— Она меня зовет! По контракту! На пять лет! — Евгений Олегович снова размахивает вилкой и чуть не попадает папе в глаз. Наверное, он думает, что это дирижерская палочка и он на пульте. — Уеду! Уеду к такой-то бабушке, а квартиру — подарок мэра — запишу на мать! Как вы со мной, так и я с вами!

Я замечаю, что у него дергается правый глаз.

В этот неподходящий момент наш кот Фенимор Купер решает проявить характер. Он кусает маэстро за щиколотку, и тот с криком: «А-а-а! Что это?!» — как подкошенный рушится на пол.

Мама с папой бросаются ему на помощь, а мне становится до такой степени смешно, что я не могу сдержаться и хохочу. Я знаю, что над гостями, особенно такими дорогими, смеяться неприлично, и тем не менее я продолжаю хохотать, пока они подбирают его с пола и снова усаживают на стул. От смеха у меня уже колет живот.

— Что тут смешного? — взвизгивает Евгений Олегович. — Женя, Люда, уймите вашу дочь! Бескультурье какое-то!

Папа смотрит на меня, изо всех сил сдвинув брови, как будто он сердится. Но я-то вижу, что внутри у него все от хохота просто клокочет.

— Извините, — говорю я. — Мне пора делать уроки. — И ухожу в свою комнату.

— У вашей дочери отвратительные манеры, — доносится из кухни. — Моя Вероника ходит по струночке, как шелковая. Людочка, я могу у вас вздремнуть?

— Конечно, Евгений Олегович.

— Постелите мне тогда в детской.

Мы редко приходим с мамой в «Свитер». Не потому, что ей там не нравится, наоборот. Она там просто расцветает, распускается, как бутон тюльпана. Особенно когда одна знакомая бариста при виде нас с улыбкой включает Синатру. Мама от него кайфует — странное выражение, но она сама так говорит.

— Мм, я кайфую от старины Фрэнка! Возьми нам по кусочку вон того вишневого пирога!

В этом вся мама моя. Неисправимый жизнелюб она и любитель «понежиться». Это тоже ее фирменное выражение.

Особенно ей нравится нежиться в «Свитере», но есть одно но. Это моя территория, моя и моих друзей. Поэтому я привожу сюда маму в самых редких случаях, когда ей уж совсем невтерпех.

Вишневый пирог куплен, латте — для мамы, капучино — для меня. Садимся за столик у окна. Трогаю рукой кирпичную кладку — она шершавая, теплая — солнце ее нагреть успело. «Свитер» утопает в нем, в солнце; огромные окна от пола до потолка — чувствую себя рыбой. Мне так хорошо в этом солнечном, согретом лучами аквариуме! Главное, душевно. Далеко не везде себя чувствуешь так — места ведь все разные. Но в «Свитере»... Одним словом, атмосфера. Она живая, я чувствую ее кожей, впитываю ее, пью кофе маленькими глотками, слушаю приглушенную болтовню посетителей, рассматриваю их лица. Высокий старик в одиночестве читает газету, хмурится. У него красивый лоб, говорят, такой был у древнего философа Сократа. А рядом на диване — две женщины с грудничками. На столике у них большая бутылка

молока, забавно. Интересно, им зачем? И еще та девочка, я ее сразу заметила, как только вошла. Ей лет десять, а пришла одна. Сидит, сосредоточенно жует чизкейк, в ушах — наушники. Вот бы услышать, что у нее внутри играет!

— Наблюдаешь? — спрашивает мама.

Я киваю.

— Наблюдай. Впитывай момент. Смакуй. Наслаждайся. Для этого мы и живем. — Она улыбается. Отправляет в рот вишенку и щурится от блаженства. — Не спеши.

«Никуда не спеши». Она все время мне это повторяет, как мантру.

Хорошо, когда с мамой можно вот *так* поговорить. Без лишних слов. Мы с ней родственные души, я это давно поняла, еще в детстве.

Мой взгляд цепляется за кофейник. Он маленький, из блестящей нержавейки, и в нем сейчас показывают небо. Голубой прямоугольник окна, а внутри — облака. Они плывут за моей спиной, проплывают мимо, но я-то их вижу.

Я думаю иногда, что мысли — как облака. Они быстры и переменчивы, они в движении постоянном, а небо — нет. Оно глубоко и бездонно; я сейчас — небо.

Хорошо, когда небо в голове, и живешь ты тогда не мыслями-облаками, а чувствами. Ощущениями.

По-настоящему живешь.

На природе это легко понять — в лесу или у озера на закате. А еще есть «Свитер» с маленьким кофейником и отраженным в нем кусочком голубого неба.

Глава 2

ТУГАЯ СТРУНКА

О том, что умерла тетя Света, мне сказала мама. И еще она сказала, что Верка будет жить теперь у нас.

— Не поняла. Почему у нас? У нее же отец есть.

— Ну да. — Мама как-то виновато кивает. — Но ты знаешь, Евгений Олегович все время ведь на гастролях. У него график на два года вперед расписан, и потом...

— Понятно. — Я чешу ссадину под рукавом. Это меня Мишка толкнул, я об стенку вчера локтем ударилась. — В общем, я против. Чтобы она у нас жила.

— Юльк.

Вот эти ее «Юльк» меня больше всего из себя выводят. Скажет «Юльк», главное, и молчит. Смотрит на меня, как Фенимор Купер, только еще хуже. У Фенимора по породе глаза такие — в них глубочайшая вселенская тоска, а у мамы по настроению. Сейчас у нее настроение, понятное дело, дрянь. Тетя Света же умерла.

До меня вдруг доходит.

— Подожди... Умерла? Ты серьезно?

Ну конечно же она серьезно! Никто про такие вещи не шутит, в смысле, про смерть. Разве что какие-нибудь законченные идиоты. Но просто я не могла этого понять: я тетю Свету видела на прошлой неделе, в филармонии. Да, в тот четверг. Она нормальная была, только из Питера утром прилетела. В смысле, когда человек при смерти, он же не ходит на концерты? Пускай даже собственного мужа. Тетя Света болтала с мамой в антракте, а потом повела меня в буфет — там свежие эклеры продавали.

— Мам, ей же всего тридцать лет!

— Тридцать четыре. Она болела, Юль. Просто никому про это не говорила.

— Чем она болела?

Да какая разница чем? Я сажусь на диван и чувствую, как в груди набухает облако. Нет, целая туча. Сейчас, наверное, разревусь. Начинаю вытягивать рот в тугую струнку, мне это иногда помогает, и думать о чем-нибудь веселом. Платье в фиолетовую полоску с зелеными корабликами — она его все время носила летом и осенью. Мне кажется, у нее одно это платье только и было. Ну или, может, она его так сильно любила, не знаю.

— Юльк, не плачь. — Мама присаживается рядом и обнимает меня. — Вернее, поплачь конечно. Если хочется.

Обними меня покрепче, мамочка! Держи меня, не отпускай!

— У нее редкое заболевание было, красная волчанка. Ну, в общем, надо было лечиться, но Света все время откладывала. Ты же ее знаешь.

— Знаю. — Я вдруг начинаю злиться. — Это из-за него она не лечилась, понятно же. Из-за этого вашего маэстро распрекрасного.

— Юля!

— Ладно, — говорю. — Пускай живет.

— Ты про Верочку? Значит, ты согласна?! — Мама так искренне радуется, как будто от моего согласия-несогласия действительно что-то зависит. Они все уже без меня решили, я же знаю.

— Только не в моей комнате, да? — Я смотрю на маму своим фирменным взглядом «а-ля рентген».